

А. И. КОМЕЧ

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ
СОФИЙСКОГО СОБОРА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Основой архитектурного языка греческой классики было понятие пластического. Это качество определяло и масштаб построек, и их очарование. Византийская архитектура вышла из тысячелетнего развития ордерной системы, но стоявшая перед ней задача создания интерьера христианского храма привела к возникновению неведомой ранее эстетической выразительности привычных форм. Это касается прежде всего ритма и тектоники. Ритм — переключка пластических объемов в античном зодчестве — заменяется движением криволинейных линий и плоскостей, которые внутри здания всегда вогнутые, полые, но никогда не выпуклые, не телесные. Красота мерного подъема колонн античного храма уступает место направлению тектонического развития сверху вниз. Купол, самая масштабная и совершенная форма, венчающая здание, становится безусловным центром композиции. Исчезает телесная наполненность античных архитектурных форм, вместо этого приходит понимание стен и сводов как гибкой, закрепляющей движение внутреннего пространства оболочки. Пластическая выразительность, столь свойственная активному, жизнеутверждающему характеру античного сенсуализма, больше не ценится. Красота новой архитектуры вызывает у человека состояние созерцания и рефлексии, как нельзя более отвечающее запросам христианского богослужения, чьей «основной задачей было не пробуждение, а подавление воли»¹.

Софийский собор в Константинополе является вышним воплощением подобных художественных устремлений (рис. 1). Ему посвящены многие восторженные описания. Композиция собора часто определяется как соединение базилики и купольной системы. С уверенностью можно сказать, что задача перекрытия гигантской базилики куполом на самом деле была поставлена перед зодчими. Новый храм стал на месте базилики Феодосия. Открытый раскопками портик последней и старое здание скевофилакиона позволяют говорить об их одинаковой ориентации и близких размерах. Идея базилики была старой, идея купола — новой. «Базиликальная пространственная структура кажется первичным образованием, в которое вторгается система опор купола»². Но при этом необходимо добавить, что София есть соединение базилики не только с куполом, но еще и с развитым типом центрического здания, прекрасный образец которого — церковь Сергия и Вакха — начал строиться здесь же, в Константинополе, лишь несколькими годами раньше. И если купольные базилики — типичное явление как раз для VI столетия, то композиционная

¹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., 1948, стр. 33.

² Н. Kähler. Die Hagia Sophia. Berlin, 1967, S. 41.

структура Софии больше нигде не была повторена. Именно экседры придают такую пространственность интерьеру собора, но их устройство привело к своеобразнейшим комбинациям отдельных элементов, вызывающим недоумение исследователей и попытки их объяснения.

Все дело в том, что экседра, помимо своей основной вогнутой формы, как она воспринимается из подкупольного пространства, обладает еще и выпуклым абрисом — со стороны боковых нефов. Выпуклость внутренней структуры — явление абсолютно нехарактерное для византийской архитектуры. Но в постройках с внутренними экседрами выступ последних, как правило, загромаждает пространство угловых помещений. Поскольку эта форма — не основная, то при небольших размерах храмов, когда этот выступ невелик, с ней можно без труда примириться. Примером может служить тот же храм Сергия и Вакха. Однако при колоссальности размеров, свойственных Софийскому собору, подобную форму нельзя было оставить без внимания.

Именно это обстоятельство породило в Софийском соборе странные полуарки, невероятные по форме своды, разномасштабность опор и колонн; здесь есть какая-то вынужденность решения. Были предположения, что эти места говорят о каких-то переменах в процессе строительства. Самую смелую гипотезу выдвинул В. Клайс³. Но она не нашла поддержки, и Г. Клеер сформулировал свои предположения гораздо осторожнее⁴. Однако обоих авторов интересовал первоначальный вид боковых нефов. Разгадка скорее кроется в особенностях построения центрального пространства и своеобразия соединения экседр с боковыми нефами.

Из описания Прокопия следует⁵, что строительство храма началось с воздвижения центральных столбов и арок. Идея купола была определяющей в формировании замысла. Купол с востока и запада опирается на полукупола экседр (см. рис. 2). Последние в свою очередь опираются на своды меньших экседр, которые по три примыкают с востока и запада. Выбранная система начинает сама по себе определять соразмерности форм. Ни диаметр, ни глубина полукуполов и экседр не могут быть значительно изменены. Если экседры разной ширины — пространства вимы и главного входа несколько шире остальных, — то это сделано намеренно, для выделения главной оси; поэтому своды над ними тоже поднимаются чуть выше остальных. Такое стремление характерно для IV—VI вв. Его мы видим в разбивке центра мавзолея св. Констанцы в Риме, а также в постройках VI в.⁶ Оно связано с глубоко традиционным для античного мира вторжением интуиции, в данном случае — художественной, в логические схемы, создаваемые разумом.

Особенностью Софийского собора является то, что границами между нефами в нем служат не трактуемые так или иначе перегородки, а настоящие пространственные зоны, создаваемые двумя рядами колонн (рис. 3). В средних помещениях боковых нефов эти зоны не нарушаются, но в углах в них вторгаются очертания экседр. Создается впечатление, что они являются специально задуманными элементами, дающими место для развития центрального сложного организма, без утеснения пространства боковых нефов (рис. 4). Взаимосвязь степени выступа экседр и глубины пространственных зон кажется очевидной, эти же зоны определяют ширину центральных опор.

³ W. Kleiss. Beobachtungen in der Hagia Sophia in Istanbul. — «Istanbuler Mitteilungen», 15, 1965, S. 168—185.

⁴ H. Kähler. Op. cit., S. 41.

⁵ Прокопий. О постройках. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 203—283.

⁶ F. W. Deichmann. Frühchristliche Kirchen in Rom. Basel, 1948; P. A. Underwood. Some Principles of Measure of the Period of Justinien. — «Cahiers archéologiques», III, 1948, p. 64—74.

В такие же зоны превращена и внешняя граница боковых нефов. Создается удивительная игра пространственных отношений, которая имеет место лишь в этом памятнике, где границами пространства служат зоны пространства.

Исходя из размеров центрального пространства, мы получили общую длину всего здания. Для этого понадобились не какие-нибудь абстрактные числовые взаимоотношения величин, а лишь последовательное проведение избранного композиционного приема. Оказывается, что этим же определяется и общая ширина храма.

Для человека, находящегося в константинопольской Софии, четырьмя точками, определяющими границы подкупольного помещения, являются точки, на плане здания соответствующие углам, образованным внутренними плоскостями центральных столбов и поверхностями примыкающих к ним экседр. Образующаяся форма не есть квадрат, это близкий к нему прямоугольник, чья длина больше его ширины на удвоенную глубину центральных арок (восточной и западной). Но эта же величина определяет разницу длины и ширины самого собора в целом (без апсиды). Следовательно, опоясывающие центральное ядро помещения имеют одинаковую ширину. И если мы нашли ее с запада и востока, то она будет такой же с севера и юга. План собора оказывается более подчиненным центрическому началу, нежели это можно было предположить.

Изложенное объяснение форм Софийского собора дает возможность проследить развитие архитектурного замысла как бы изнутри. Оно позволяет полнее и точнее, чем обычно, выявить основные композиционные идеи и то их соединение, которое определило неповторимость облика храма. Оно позволяет увидеть, каким образом сама грандиозность постройки, обычно приводящая к утяжелению опор и увеличению их объема, была использована двумя великими зодчими — Анфимием из Тралл и Исидором из Милета — для создания структуры, чья пространственность и легкость стали недостижимым идеалом, почти чудом в истории мировой архитектуры.